

Я.Г.Шемякин

И вновь о Латинской Америке, одновременно единой и многообразной

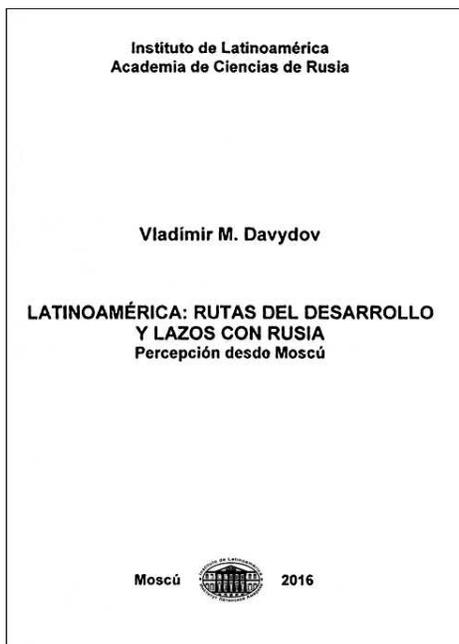
В статье анализируется недавно увидевшая свет книга Владимира Михайловича Давыдова — Vladimir M.Davydov. *Latinoamérica: rutas del desarrollo y lazos con Rusia. Percepción desde Moscú*. ILA ACR, 2016.

Рецензент отмечает, что в исследовании затрагиваются основные «проблемные узлы» латиноамериканистики как особой разновидности регионоведения. В то же время книга представляет собой цельное произведение, обусловленное логико-смысловым единством текста. Подобное единство объясняется тем, что был верно определен главный смысловой фокус латиноамериканистских исследований — проблема соотношения универсального и локального измерений человеческого бытия. Особо подчеркивается, что в свете подобного подхода вполне закономерно обращение автора к цивилизационной проблематике.

Ключевые слова: Латинская Америка, цивилизационная матрица, цивилизационный ареал, права человека.

В.М.Давыдов — знаковая фигура в отечественной латиноамериканистике. И дело не только в том, что он в течение двух десятилетий успешно возглавлял в качестве директора Институт Латинской Америки РАН — ведущий центр латиноамериканских исследований в России и в странах «ближнего зарубежья» и один из основных центров мировой латиноамериканистики. Главное (по крайней мере, для автора этих строк) — это то, что, став крупным организатором науки, Владимир Михайлович не перестал быть ученым. И это — не формальный панегирик начальству, а чистая правда, подтверждением которой являются его труды. Поэтому выход в свет каждой новой работы члена-корреспондента РАН, д-ра экономических наук, профессора Давыдова — значимое событие и для нас, его коллег, и для всего научного сообщества латиноамериканистов, и для самой латиноамериканской аудитории. Особенно если речь идет о тех его произведениях, которые были переведены на испанский язык. Основные из них собраны в той книге, о которой и пойдет речь. Главным образом — это статьи, в

Яков Георгиевич Шемякин — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЛА РАН (shemyakinx3@gmail.com).

разное время появившиеся на страницах журнала «Iberoamérica». Некоторые из них издавались отдельными брошюрами.

Если давать самую общую оценку книге, то следует признать, что в ней затронуты основные «проблемные узлы» латиноамериканистики как особой разновидности регионоведения. Содержание ее тяготеет к двум смысловым полюсам: работы, посвященные анализу латиноамериканской действительности в самых различных ее проявлениях (главы 1—3) и работы, посвященные отношениям России со странами региона к югу от Рио-Гранде-дель-Норте (главы 5—7). Чтобы оценить широту охвата исследуемой проблематики, достаточно перечислить лишь названия этих глав: «Идентичность:

одновременно единая и множественная» («Identidad única y múltiple a la vez»); «Время великой войны: далекий, но вовлеченный в события регион» («El tiempo de Gran Guerra: región alejada pero involucrada»); «Повестка дня для развития: сегодня и завтра» («Agenda del desarrollo para hoy y para mañana»); «Экономическое взаимодействие с новой Россией» («Interacción económica con Nueva Rusia»), «Обусловленность и основные направления сотрудничества России и Латинской Америки» («Condicionamiento y principales rutas de la cooperación ruso-iberoamericana»), «Страны региона как они видятся из Москвы (латиноамериканистика в СССР и в России)» («Los países de la región vistas desde Moscú (estudios latinoamericanos en la URSS y Rusia)». Особое место в структуре книги занимает глава 4, посвященная как латиноамериканской проблематике, так и отношениям стран региона с Россией в контексте темы BRICS.

Хотя все эти работы на самые разные темы были написаны и опубликованы в разное время, книга производит впечатление цельного произведения. Это, несомненно, объясняется логико-смысловым единством текста, обусловленным верным выбором главного смыслового фокуса латиноамериканских исследований — проблемы соотношения универсального и локального измерений человеческого бытия. В этом плане глава 1 задает книге основную тональность, а название этой главы очень точно отражает главную отличительную черту человеческого мира Латинской Америки: «Единая и вместе с тем множественная идентичность». Стремление определить собственную позицию по данной проблеме приводит автора к необходимости выработки комплексного междисциплинарного подхода как наиболее адекватного задаче исследования многоаспектной латиноамериканской реальности.

В этой связи нельзя не сказать о личных качествах Давыдова как ученого. Он, безусловно, прежде всего экономист. Однако в его творчестве, начиная с монографии «Латиноамериканская периферия мирового капита-

лизма» (М., 1981), четко прослеживаются тенденция к отказу от экономического редукционизма, ясное осознание необходимости учета социокультурных факторов. Поэтому вполне закономерным является обращение Давыдова к цивилизационному подходу. И в подобном обращении в полной мере проявился творческий импульс: автор не ограничивается использованием уже имеющегося понятийного аппарата; он предлагает свою «понятийную сетку» цивилизационной теории¹.

Главным новшеством Давыдова в данном контексте является введение двух понятий, призванных служить орудием исследования на «операционном» уровне: «цивилизационная матрица» и «цивилизационный ареал». По определению ученого, «цивилизационная матрица» являет собой «особое сочленение» «базовых факторов внутреннего и внешнего порядка, которое детерминирует специфическую социокультурную и институциональную среду». «Цивилизационный ареал» — понятие производное, «под этим понимается зона распространения социокультурной общности, имеющей в своих истоках определенную цивилизационную матрицу»².

Давыдов выделяет три основные матрицы, «исходя из взаимодействия автохтонной среды и внешних факторов, а также той их комбинации, которая складывалась в процессе исторической эволюции и, наконец, того результата, которой мы имеем, говоря языком Арнольда Джозефа Тойнби, в современном «устье реки времени»³. У меня нет практически никаких возражений ни против критериев выделения, ни против конкретного состава матриц. Поэтому я не стану искусственно увеличивать объем этого текста за счет повторения положений Давыдова⁴. Хочу, однако, обратить особое внимание на одно принципиально важное обстоятельство. Как отмечает Владимир Михайлович, «обозначенные цивилизационные матрицы во многих случаях не вписываются в государственные границы в их современных очертаниях. У матриц своя пространственная сетка». И самое главное: «...в отдельных странах соседствуют элементы различных матриц, и кроме того, реальность обнаруживает заметные отклонения от выделенных прототипов»⁵.

В ходе исторического развития сложилась ситуация, когда облик ряда ведущих стран региона определяется «сочленением разнородных цивилизационных матриц (прежде всего в Бразилии, Колумбии, Венесуэле — в другой композиции — в Чили⁶)».

Но стоит задуматься: что кроется за словосочетанием «сочленение различных матриц»? Разве в результате подобного «сочленения» в ходе исторического процесса не возникли общности, характеризующиеся такой степенью единства, которое позволяет говорить не только о единой государственной организации, но о единых во всем своем многообразии социокультурных общностях, об отдельных, вполне самостоятельных культурах? Разве границы, отделяющие страны региона от соседей (и прежде всего те, в которых «сочленение», как справедливо отмечает Давыдов, наиболее очевидно — Бразилию, Колумбию, Венесуэлу, Чили), обозначают только государственно-политический водораздел? По-моему, сам факт наличия (в рамках сложившихся границ!) социально-культурных организмов, достигших такой степени интеграции, которая (несмотря на очевидные центробежные процессы и тенденции) позволяет рассматривать их именно как отдельные, относительно автономные исторические образования свидетельствует о том, что за каждой из выделенных социокультурных матриц

(а точнее, под каждой из них) кроется более глубокая основа. А именно — реальность уже не самих матриц как таковых, а именно их «сочленения». То есть, иными словами (если перевести разговор в план исторической динамики) — взаимодействия. Причем «сочленение» матриц — лишь одна из разновидностей взаимодействия разнородных составляющих латиноамериканского цивилизационного космоса — культурных, религиозных, языковых, этнических, национальных традиций, разделенных герменевтически барьерами различных по своей генетике пластов исторического бытия народов, а на самом глубоком уровне — цивилизационных основ, обнаруживающих себя в подходе к решению ключевых, коренных проблем человеческого существования.

В принципе выделение тех существенно отличающихся по многим параметрам конкретно-исторических конфигураций социокультурных и социально-экономических факторов, которые Давыдов характеризует как «цивилизационные матрицы», обогащает понимание определяющего фактора латиноамериканской реальности — многообразия, которое проявляется в том числе и в многообразии этих матриц. Более того, по-моему, оно подтверждает тезис о том, что главную специфику латиноамериканской цивилизационной общности определяет доминанта начала многообразия, парадоксальным образом не исключая реальности ее единства. То есть то самое качество цивилизационной «пограничности», о котором автор этих строк писал неоднократно. И здесь не могу не сказать о различии наших — моего и Давыдова — подходов к определению специфики цивилизационного статуса Латинской Америки.

Вообще-то эти подходы довольно близки: мы едины и в утверждении значимости многообразия этого человеческого мира и в признании реальности его единства. Разница — в трактовке их соотношения. Давыдов в конечном счете исходит из классического понимания цивилизации, в рамках которого цивилизационный статус признается лишь за теми социокультурными макрообщностями, которые базируются на доминанте принципа единства, здесь наличествует, как в великих цивилизациях Востока и Запада («субэкуменах», по терминологии Григория Соломоновича Померанца — западнохристианской, южноазиатской индо-буддийской с центром в Индии, восточноазиатской конфуцианско-буддийской с центром в Китае, мире ислама⁷), некий единый духовно-ценностный стержень, пронизывающий собой, скрепляющий все огромное разнообразие этих человеческих миров. Если ограничивать содержание термина «цивилизация» только этими примерами, то, разумеется, говорить о Латинской Америке как о единой цивилизации не приходится. Опираясь на классическое понимание цивилизации, Давыдов обосновывает точку зрения, согласно которой латиноамериканская историческая общность не обладает той мерой единства, которая позволила бы говорить об отдельной цивилизации.

Но в мире существуют и, более того, играют самостоятельную и отнюдь немалую роль цивилизационные общности качественно иного типа, который я условно называю «пограничным» и который, повторюсь, основан на парадоксальном сочетании доминанты многообразия и реального единства. Но в условиях цивилизационного «пограничья» речь идет о единстве *sui generis*, об особом, отличном от «классического» типе социокультурной системности. Мне уже неоднократно приходилось обосновывать эту мысль, однако в короткой

рецензии-размышлении это сделать невозможно. Отмечу лишь, что в рамках концепции «пограничности» цивилизационный статус латиноамериканской культурно-исторической общности доказывается вполне убедительно.

Разумеется, перед любым исследователем «пограничной» реальности неизбежно встает вопрос: как вообще возможны какое бы то ни было единство, какая бы то ни было системность в условиях доминанты многообразия? Ответить на этот вопрос значит разгадать одну из главных загадок истории: сам факт существования «пограничных» социокультурных систем. Стремление найти путь решения этой задачи — один из главных побудительных мотивов общественной мысли цивилизационного «пограничья», в том числе латиноамериканской. В качестве иллюстрации приведу суждение одного из наиболее глубоких, на мой взгляд, современных мыслителей Латинской Америки — мексиканца Боливара Эчеверри.

По словам Эчеверри, «население Латинской Америки являет собой столь широкое многообразие обычаев и нравов, логик поведения, что сложно говорить о единой латиноамериканской идентичности; данное многообразие предстает даже как культурная несовместимость. В то же время парадоксальным образом это же самое многообразие, похоже, разворачивается как утверждение единства *sui generis*»⁸. Автор показывает, сколь велики, во многих случаях поистине огромны культурные дистанции, разделяющие как представителей разных стран региона, так и различные группы населения, живущие в разных регионах внутри одной и той же страны. В качестве наиболее ярких, «парадигматических» примеров он приводит сопоставление «культурной реальности» северо-востока Бразилии и Сан-Паулу, «Косты» и «Сьерры» в андских странах, жителей г. Мехико и переселившихся в столицу Мексики в период военной диктатуры аргентинцев из Буэнос-Айреса («портеньос»)». «И тем не менее, отрицая всякое единство, настаивая на чуждости различных подходов к жизни, это многообразие логик поведения парадоксальным образом утверждает также сопринадлежность (*copertenencia*) данных логик некоему единству, особого рода гомогенность. Несовместимость способов бытия жителей Косты и Сьерры в Андском регионе или жителя г. Мехико и «портеньос», по видимому, существует и проявляет себя внутри некоей сферы, границы которой определяются очень тонким сходством в использовании их логик поведения»¹⁰. Эчеверри подчеркивает ключевое значение унитарной тенденции «в формах поведения, в культивировании подобных форм»¹¹. Данная тенденция проявляется в особенности в способе применения языка (имеется в виду иберийские языки, испанский и португальский, на которых говорит подавляющее большинство латиноамериканцев), а также «в определенном, незаметном на первый взгляд, однако задающим поведенческие ориентации жителей региона на глубинном уровне, способе воплощения в жизнь свойственных им нравов и обычаев...»¹². Речь идет о некоем «общем принципе, который, странным образом, вместо того, чтобы устранять разнобразие, судя по всему его принимает и даже требует отчетливо выраженного многообразия путей своей реализации. Речь идет о единстве, которое проявляется, становится очевидным прежде всего в ситуации, когда латиноамериканцы, каждый раз во все большем количестве, оказываются в положении эмигрантов и в чужих странах признают друг в друге предста-

вителей единой общности, несмотря на существующие, во многих случаях большие различия в их обычаях и нравах»¹³.

Суммируя свои наблюдения, Эчеверрия дает следующее, парадоксальное определение «парадоксальному феномену» «многообразия в латиноамериканской культуре, которое, несмотря на собственную сущность как многообразия или, быть может, в силу внутренней необходимости следования собственной логике развертывания, существует наряду с единством и даже является условием его существования»¹⁴.

Итак, многообразие в латиноамериканской культуре — это одновременно и отрицание, и условие единства, которое может проявиться только в рамках многообразия и, что еще важнее, в контексте, который определяется многообразием как особой онтологической реальностью. «Обычаи и нравы» жителей разных частей латиноамериканского мира отличаются друг от друга, порой очень сильно, однако способ их соблюдения, т.е. реализации в конкретной жизни, един. Многообразные логики поведения различны, во многих случаях противоположны; единство же проявляется на уровне способа использования этих логик.

Соблюдение (т.е. реализация в реальной жизни) «нравов и обычаев», «использование» (т.е. конкретное применение в действительности) различных и противоположных логик поведения — это не что иное, как различные обозначения одного и того же: человеческой деятельности. Человек же существует в мире, проявляет себя именно посредством деятельности. Поэтому именно в деятельности обнаруживают себя самые глубинные мотивации и ориентации поведения. Те самые, которые определяются подходом к решению ключевых проблем человеческого существования.

Нам неоднократно приходилось обосновывать концепцию, согласно которой цивилизация в основе своей есть не что иное, как способ решения подобных проблем, свойственный той или иной человеческой макрообщности. Следовательно, тот уровень единства, который выделяет Эчеверрия, это — именно цивилизационный уровень. Латинская Америка бесконечно многообразна и тем не менее она едина как цивилизация. И основу этого единства составляет именно процесс взаимодействия самых различных составляющих латиноамериканского цивилизационного космоса. Здесь — принципиальное отличие от «классического» цивилизационного типа.

В основе каждой из перечисленных выше великих цивилизаций Запада и Востока лежит определенный, «отлитый» в устойчивые символические формы архетип, в концентрированном виде воплощающий свойственный той или иной макрообщности подход к решению коренных проблем-противоречий человеческого существования, являющий собой результат сложнейшего процесса синтеза самых различных составляющих и ставший инвариантом социокультурного бытия. В цивилизационном «пограничье» сам процесс взаимодействия выступает как архетип, лежащий в основе всей действительности «пограничных» человеческих миров, формирующий совершенно особую «текущую» системность, которая проявляется, по-видимому, и в охарактеризованном Давыдовым «сочленении» различных матриц.

Несколько слов о самом термине «цивилизационная матрица». Я в принципе не против его применения в том контексте, в каком его употребляет Давыдов, прежде всего потому, что его использование в качестве рабочего инструмента исследования позволяет «высветить» особые грани

латиноамериканской реальности, остававшиеся в тени при применении иных подходов. Но, как мне кажется, надо четче обозначить границы его применимости с учетом того, что, как уже говорилось, за каждой (или, если угодно, под каждой) из этих матриц лежит более глубокая основа, а именно — процесс-архетип взаимодействия разнородных составляющих, одним из значимых внешних проявлений которого и является сочленение различных социокультурных матриц.

Вообще говоря, в точном значении слова матрица — это основа. Может быть, следует говорить о *полиматричной* основе латиноамериканской цивилизации? Кстати говоря, это вполне вписывается в сложившееся к настоящему времени представление о специфике цивилизационного «пограничья», для которого типична как раз *полицентрическая* структура, наличие не одного, а нескольких взаимодействующих центров цивилизационной системы.

В том, что касается России, «пограничного» характера ее цивилизации, эта линия мысли восходит к идеям Георгия Петровича Федотова¹⁵. На рубеже XX—XXI вв. она воплотилась во многих трудах Игоря Вадимовича Кондакова¹⁶, а также в фундаментальной монографии четырех авторов (Вениамин Васильевич Алексеев, Елена Вениаминовна Алексеева, Константин Иванович Зубков, Игорь Васильевич Побережников)¹⁷, в которой отмечается в том числе и общность «пограничного» цивилизационного статуса России и Латинской Америки, а также применимость разработанной прежде всего на латиноамериканских материалах концепции «пограничной» цивилизации к российским реалиям¹⁸.

Возможно, характеризуя те социокультурные конфигурации, которые выделяет Давыдов, есть резон говорить о «*вторичных матричных структурах*»? Так как иначе вопрос о дальнейшем уточнении и усовершенствовании используемого в цивилизационном анализе понятийного аппарата остается открытым. Ценность работы Давыдова заключается еще и в том, что она заставляет вновь и вновь задумываться над этим.

Завершая «цивилизационную часть» своих размышлений, не могу не сказать и о следующем. Давыдов, будучи, несомненно, одним из наиболее глубоких исследователей латиноамериканской реальности, признает, что категория «пограничности» в определенной мере отражает специфику этой реальности. Однако он обращает особое внимание на то, что «пограничность» здесь не *однолинейна* (Запад—Восток — по Я.Г.Шемякину), а *многовекторна*¹⁹. Хочу подчеркнуть, что я полностью согласен с этой мыслью. Собственно, уже и в той моей книге, на которую ссылается в данном случае Владимир Михайлович, мое понимание «пограничности» уже не ограничивалось «западно-восточным» измерением, хотя тогда я действительно сосредоточил особое внимание на попытке спроецировать на латиноамериканскую действительность именно это, исходное понимание цивилизационной «пограничности»²⁰. В дальнейших же своих работах я постарался развить и конкретизировать тезис о «многовекторности» латиноамериканской (и не только латиноамериканской) «пограничности»²¹.

Помимо «цивилизационных» сюжетов хотелось бы особо выделить еще одну затронутую Давыдовым тему, которая представляется мне особенно важной в современных условиях (и которая, кстати, напрямую связана с цивилизационной проблематикой). Речь идет о настоящей необходи-

мости переосмысления проблемы прав человека и о значимости латиноамериканского опыта в данной сфере. Давыдов отмечает особую чувствительность латиноамериканской аудитории к этой тематике, обусловленную прежде всего недавним трагическим опытом военных диктатур в Аргентине, Чили, Уругвае, Бразилии, Парагвае и ряде других стран. В то же время на восприятие проблематики прав человека в регионе сильное воздействие оказывают такие факторы, как острые социальные противоречия, обостренное в условиях мощного давления североамериканского центра гегемонии чувство национального достоинства. Особенно важно то, что в Латинской Америке тема прав человека оказалась неразрывно связана с проблематикой национальной идентичности²². Необходимость переосмысления проблемы прав человека на нынешнем этапе обусловлена тем, что до сих пор преобладающая в мировом сообществе ее трактовка определенно ограничена рамками одной цивилизационной традиции — западной, которая, в свою очередь, базируется на постулатах, сформулированных во второй половине 40-х — начале 50-х годов XX вв. и определивших содержание таких основополагающих документов, как Всеобщая декларация прав человека и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. С этим связана явная недооценка социальной, культурной и экономической составляющих проблематики прав человека. Принципиальное значение в этом контексте приобретает признание права на сохранение «этнической, языковой и культурной идентичности»²³ самых различных человеческих сообществ. Именно это признание должно быть положено в основу всего процесса переосмысления указанной проблематики. Утверждение «права на национальную и социокультурную идентичность» может также послужить, как вполне справедливо полагает Давыдов, основой конструктивного диалога по данному кругу вопросов между Россией и странами Латинской Америки.

Данная перспектива представляется вполне реальной, учитывая современные тенденции развития латиноамериканской мысли в этой сфере. Так, анализ содержания материалов, опубликованных на страницах «Латиноамериканского журнала прав человека», одного из главных центров разработки проблематики прав человека в странах региона, по моему убеждению, определенно свидетельствует о движении к постепенному признанию права на идентичность как одного из основополагающих²⁴.

Давыдов также особо подчеркивает ценность для российской стороны той интерпретации основополагающих принципов международного права, которая была разработана бразильскими и аргентинскими экспертами, прежде всего в том, что касается поиска путей решения таких острых вопросов как проблема соотношения права наций на самоопределение и принципа территориальной целостности государств²⁵.

В рамках короткой рецензии невозможно в полной мере охватить все стороны содержания книги нынешнего научного руководителя ИЛА. Так, вне данного текста остались ее чисто экономические аспекты. Думаю, что об этой стороне более убедительно и исчерпывающе скажут коллеги-экономисты. Я же сосредоточил внимание на тех аспектах работы, о которых могу судить как профессиональный историк и культуролог — «цивилизационщик».

¹ V.M.D a v y d o v. Latinoamérica: rutas del desarrollo y lazos con Rusia. Percepción desde Moscú. Moscú, ILA, 2016, p. 13; В.М.Д а в ы д о в. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М.: ИЛИА РАН, 2006, с. 12-13. [Ziviliografija y zivilizacionnaya identifikazija Latino-Karibskoi Ameriki] [Civiliography and civilizational identification of Latin-Caribbean America]. Moscow: ILA of ASR, 2006, p. 12-13.

² Ibid., p. 12; V.M.D a v y d o v. Op. cit., p. 14.

³ В.М.Д а в ы д о в. Op. cit., p. 15; V.M.D a v y d o v. Op. cit., p. 14.

⁴ В.М.Д а в ы д о в. Op. cit., p. 15—27; V.M.D a v y d o v. Op. cit., p. 14-26.

⁵ В.М.Д а в ы д о в. Op. cit., p. 18; V.M.D a v y d o v. Op. cit., p. 17-18.

⁶ Ibid., p. 32; Ibid., p. 30.

⁷ Г.С.П о м е р а н ц. Теория субэкумен и проблема своеобразия стыковых культур. — Выход из транса. М., 1995. [Pomeranz G.S. Teoriya sub'ekumen i problema svoeobrazija stykovykh kul'tur] [The Theory of the Subecumenes and the Problem of the Specific Features of Joint-Cultures]. — Vykhod iz transa. Moscow: Yurist, 1995, p. 205-227.

⁸ В о л í в а р Е с h e v e r r í a. La múltiple modernidad de América Latina. — Contrahistorias. La otra mirada del Clío. 2005, N 4, p. 57.

⁹ Ibid., p. 57-58.

¹⁰ Ibid., p. 58.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Г.П.Ф е д о т о в. Судьба и грехи России. СПб, 1992, т. 2, с. 172. [G.P.Fedotov. Sud'ba I grehi Rossii] [Destiny and sins of Russia]. Saint Petersburg, 1992, V.2, p. 172.

¹⁶ И.В.К о н д а к о в. О менталитете русской культуры. — Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып.1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994, с. 78-79 [Kondakov I.V. O mentalitete russkoj kul'tury. Nauchnyj al'manah. Вып. 1. Rossiya i Vostok: civilizacionnyje otnoshenija] [About mentality of the Russian culture. — Civilizations and cultures. Scientific almanac. Issue 1. Russia and East: civilizational relations] Moscow, 1994, p. 78-79; i d e m. Введение в историю русской культуры. М.: Аспект Пресс, 1997, с. 59-70 и др. [Idem. Vvedenie v istoriyu russkoj kul'tury] [Introduction to the History of Russian Culture]. Moscow: Aspekt press, 1997, p. 59-70; он же. Россия как глобальное культурно-цивилизационное пограничье. — Проблемы культурного пограничья. Памяти Валерия Борисовича Земскова (1940-2012). М.: ИМЛИ РАН, 2014, с. 124, 126-127, 129-130. [idem. Rossiya kak global'noe kul'turno-civilizacionnoe pogranich'e. — Problemy kul'turnogo pogranich'ja. Pamjati Valerija Borisovicha Zemskova (1940-2012)] [Russia as global cultural and civilizational border zone. — Problems of the cultural borderland. Valery Borisovich Zemskov's memories (1940-2012)]. Moscow: IMLI RAS, 2014, p. 124, 126-127, 129-130.

¹⁷ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI—XX века. М.: Наука, 2004, с. 10-12, 391, 482, 543, 560-567 и др. [Aziatskaja Rossiya v geopoliticheskoj i civilizacionnoj dinamike XVI-XX vv] [Asian Russia in geopolitical and civilization dynamics of the 16-20th centuries]. Moscow: Science, 2004, p. 10,12,391, 482, 543, 560-567, etc.

¹⁸ Ibid., p. 10, 391, 566, 586, etc.

¹⁹ V.M.D a v y d o v. Op. cit., p.45; В.М.Д а в ы д о в. Op. cit., с. 48.

²⁰ Я.Г.Ш е м я к и н. Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001. [Shemyakin J.G. Evropa I Latinskaya Amerika: Vzaimodejstvie civilizacij v kontekste vseмирной istorii] [Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History]. Moscow: Nauka, 2001.

²¹ Я.Г.Ш е м я к и н. Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы. — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, № 42. М.: ИВИ РАН, 2013, с. 23-45 [Fenomen «pogranichnosti»: sociokul'turnoe sodержание i istoricheskie tipy]

[The Phenomenon of "Boundary": Socio-Cultural Content and Historical Types]. *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii* [Dialogue with Time. Intellectual History Review], N 42. Moscow: IVI RAN, p. 23-45; он же. Социокультурная «пограничность» в контексте всемирной истории. — Проблемы культурного пограничья. Памяти Валерия Борисовича Земскова (1940-2012). М.: ИМЛИ РАН, 2014, с. 37-67. [idem. Sociokul'turnaja «pogranichnost'» v kontekste vseмирnoј istorii] ["Boundary" in the Context of Universal History. [Problems of the cultural borderland. Valery Borisovich Zemskov's memories (1940-2012)]. Moscow: IMLI RAN, 2014, p.37-67.

²² V.M.D a v y d o v. Op. cit., p. 117-118.

²³ Ibid., p. 118.

²⁴ Материалы журнала «Revista Latinoamericana de derechos humanos» за 2011—2014 гг. [Materials of the journal "Revista Latinoamericana de Derechos Humanos", 2011—2014].

²⁵ V.M.D a v y d o v. Op. cit., p. 118-119.

Yakov Shemyakin (shemyakinx3@gmail.com)

Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Latin America of RAS

And again about Latin America, at the same time whole and diverse

Abstract: In this work recently issued Vladimir Mikhailovich Davydov's book is analyzed (Vladimir M. Davydov. *Latinoamérica: rutas del desarrollo y lazos con Rusia. Percepción desde Moscú*. ILA ACR, 2016). Stating his "reflections about read", the reviewer, Ya. G. Shemyakin notes that in V. M. Davydov's work are affected main "problem knots" of Latin American studies as special kind of regional studies. At the same time the book makes the impression of the integral work caused by logical-semantic unity of the text. The similar unity is explained, in turn, by the fact that the main semantic focus of the Latin American studies – a problem of a correlation of universal and local measurements of human life has been truly defined. Ya. G. Shemyakin highlights that, in the light of similar approach, V. M. Davydov's appeal to a civilizational perspective is quite natural.

Key words: Latin America, civilization matrix, civilization area, human rights